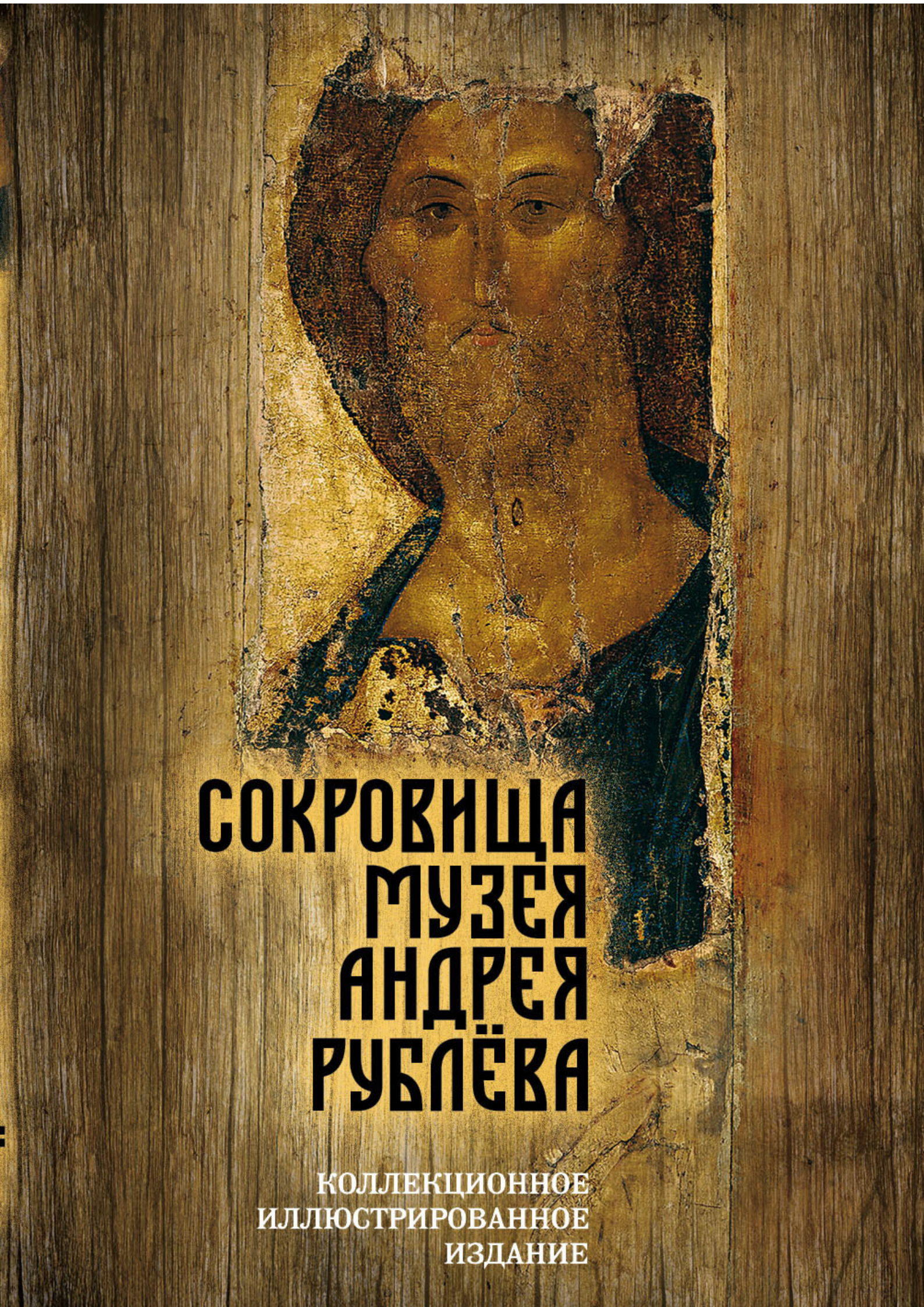
СОКРОВИЩА
МУЗЕЯ
АНДРЕЯ
РУБЛЁВА
КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ

Коллекционное иллюстрированное издание

Дмитрий Абрамов

Сокровища музея Андрея Рублёва

«Алисторус»

2020

УДК 82-31
ББК 83.3

Абрамов Д. М.

Сокровища музея Андрея Рублёва / Д. М. Абрамов — «Алисторус», 2020 — (Коллекционное иллюстрированное издание)

ISBN 978-5-907332-15-7

Антицерковная политика и три десятилетия (1920-е–1950-е гг.) забвения национального русского искусства и культуры (церковных по своей сути и своим истокам) привели к огромным утратам в сознании славянских народов Советского Союза, к искривлениям в воспитании молодежи и юношества. На смену последним поколениям, помнившим православную Россию, сохранявшим чувства патриотизма, любви к Отечеству, веры в справедливость, пришли в жизнь поколения, мыслящие как атеисты и космополиты. Великая Отечественная война вновь заставила руководство СССР, россиян и других сограждан Советского Союза внимательно, трезвым, реальным взглядом посмотреть на своё отринутое церковное наследие и переоценить его значение. В истории первопрестольной столицы России мало кому известный день 10 декабря 1947 года можно и нужно отметить, как красный день календаря. В тот день было подписано и обнародовано Постановление совета министров СССР за N 3974 «О мероприятиях по сохранению памятников архитектуры Андроникова монастыря в г. Москве». Этот акт положил начало рождению и дальнейшему становлению первого в послевоенной, советской, социалистической реальности профильному, «специальному» музею средневековой русской иконописи, монументальной живописи, прикладного искусства и архитектуры – по сути церковного искусства и культуры России. Музей получил имя великого русского иконописца преподобного Андрея Рублёва – монаха Спасо-Андроникова монастыря, прославленного многими поколениями его преемников и миллионами почитателей его творчества, положившего начало искусству Русского Ренессанса на исходе XIV – в начале XV столетий. Музей имени Андрея Рублёва является хранилищем и галереей самой богатой в России

коллекции памятников иконописи, рукописной и старопечатной литературы и других произведений средневекового русского искусства. Эта книга посвящена истории становления Музея и собирания его коллекции. В ходе работы и деятельности Музея на рубеже II и III тысячелетий вскрылись удивительные тайные события, происходившие на территории Спасо-Андроникова монастыря в XV – XVIII вв. Их раскрытие также обогатило историческое наследие, хранимое Музеем, являющееся также и достоянием Русской Православной Церкви. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-31

ББК 83.3

ISBN 978-5-907332-15-7

© Абрамов Д. М., 2020

© Алисторус, 2020

Содержание

Введение 7
Глава 1 8
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Дмитрий Абрамов
Сокровища музея Андрея Рублёва

© Вострышев М.И., комментарии, 2020 © Абрамов Д., 2020
© ООО «Вершины», 2020
© ООО «Издательство Родина», 2020

Введение

В истории Москвы, мало кому известный день, 10 декабря 1947 года необходимо очертить, как красный день календаря. В тот день было подписано и обнародовано Постановление Совета Министров СССР за № 3974 «О мероприятиях по сохранению памятников архитектуры Андроникова монастыря в г. Москве». Этот акт положил начало рождению и дальнейшему становлению первого в послевоенной, советской, атеистической реальности профильному, «специальному» музею средневековой русской иконописи, монументальной живописи, прикладного искусства и архитектуры – *по сути церковного искусства и культуры России*. Постановление непосредственно подписали: председатель Совета Министров СССР Иосиф Сталин и управляющий делами Совета Министров СССР Яков Чадаев. Отметим, что в сентябре 1947 года Москва праздновала свое 800-летие. Музей получил имя великого русского иконописца преподобного Андрея Рублёва – монаха Спасо-Андроникова монастыря. Этот человек прославлен многими поколениями преемников и миллионами почитателей его творчества. Именно он и его с*о*други положили начало искусству Русского Ренессанса на исходе XIV – начале XV века.

Наиболее древняя и ценная часть иконописного собрания МиАР сложилась в период с середины 1950-х до середины 1960-х годов. Основу этого собрания составили поступления из областных и региональных музеев Европейской России, иконописные фонды которых, в свою очередь, сложились в результате закрытия монастырей и храмов в первое десятилетие советской власти. Однако собрание памятников иконописи и других коллекций музея имени Андрея Рублёва вышло далеко за рамки эпохи Русского Ренессанса и является одним из крупнейших не только в России, но и во всём мире.

Глава 1
История ансамбля и памятников Спасо-Андроникова монастыря. Предпосылки организации музея имени Андрея Рублёва

На высоком левом берегу Яузы – на месте древнего славянского городища мысового типа, именуемого в древности «Лучинским городищем» – недалеко от нынешнего Садового кольца Москвы, расположен великолепный ансамбль бывшего Спасо-Андроникова монастыря. Древнее городище-крепость славян-вятичей, возникшее ещё в IX веке, дало название и великокняжескому селу Лучинскому, известному в летописях с первой половины XIV века и располагавшемуся в непосредственной близости от древнего укрепления. А в 1360-е годы на месте запустевшего городища святой митрополит Московский и всея Руси Алексий заложил обитель с соборным храмом в честь образа «Спаса Нерукотворного». В настоящее время в стенах этого монастыря пребывает музей древнерусского искусства и культуры имени Андрея Рублёва. Это один из древнейших монастырей ближайшего Подмосковья. Возник он близ столицы молодого великорусского государства на берегу судоходной реки, на дороге, ведущей в Орду. Уже в XV веке эта обитель стала центром культуры той эпохи, одним из объектов раннемосковской архитектуры, летописания, иконописи и одновременно форпостом стольного града – монастырем-«сторожей». Основатель его – святой митрополит всея Руси Алексий, всеми силами содействовал возвышению Москвы в княжение великого князя Московского-Владимирского Дмитрия Ивановича (Донского). Монастырь стал носить имя своего первого игумена, Андроника – ученика Сергия Радонежского.

С Андрониковым монастырем связано воспоминание о том, как в 1380 году москвичи торжественно встречали героев Куликовской битвы. По свидетельству Архангельской летописи победители несли под своими хоругвями и знаменами останки около 500 героев, павших в битве на поле Куликовом, для погребения их близ храмов и монастырей Москвы. Часть из них захоронили восточнее алтарной абсиды первого монастырского собора. Многих других положили у храма Всех Святых на Кулишках. Третьих предали земле в Симоновом монастыре.

В 20-е годы XV века в Андроньевом монастыре воздвигнут существующий и ныне белокаменный собор в честь образа Спаса Нерукотворного (Спас – «Омоченные власы»). В дальнейшем – в XVIII веке – первоначальный вид собора был изменен пристройками. После наполеоновского нашествия и пожара в Москве и монастыре в 1812 году, когда «верха» собора рухнули, постройку перекрыли простым четырёхскатным сводом с небольшим барабаном. Однако внутренняя конструкция этого уникального трёхнефного сооружения до уровня сводов не пострадала. В таком виде собор просуществовал вплоть до 1970-х годов – до его реконструкции и восстановления с учётом стилевых особенностей первой четверти XV века.

Белокаменный собор Спасо-Андроникова монастыря является прекрасным образцом раннемосковского зодчества, в котором находят отражение традиции Владимиро-Суздальского строительного искусства. Это старейшая каменная постройка и храм Москвы и ближайшего Подмосковья, сохранившаяся с начала XV столетия до нашего времени с частичными изменениями. Собор является древнейшим архитектурным памятником Москвы, но последним по возрасту из четырех дошедших до нашего времени памятников той эпохи. Он младший современник Успенского собора «на Городке» в Звенигороде, Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря, Рождественского собора Саввы-Сторожевского монастыря.

Андрей Рублёв – инок монастыря – и его «с***о***други» (члены его творческой артели, последователи его иконографической школы) расписывали стены, писали и создавали иконостасы для всех упомянутых выше соборных храмов.

Первое упоминание о выдающемся великорусском иконописце Андрее Рублёве связано с росписью Благовещенского храма Московского Кремля Феофаном Греком. С молодым иконописцем Андреем тогда работал и его товарищ – Прохор с Городца. Вторично имя Рублёва упоминается в 1408 году, когда он совместно со своим талантливым «с***о***другом» Даниилом Чёрным расписывал Успенский собор во Владимире. Рублёв и его сподвижники учились у Феофана. Учились не только технике письма, но постигали с его помощью духовные, мистические глубины христианства, явленные в иконописном искусстве. Не исключено, что Андрей Рублёв и его сподвижники какое-то время учились и писали в столице Болгарии – Тырново. Они находились в составе посольства митрополита Киприана, посещавшего родной город в конце XIV века. Согласно письменным источникам, в то время среди учеников болгарского патриарха Ефимия были русские. Следовательно, не только Феофан был наставником русских мастеров. Но если творческое вдохновение Феофана питалось соками церковными, то вдохновение Андрея Рублёва и его соратников было напоено ещё и соками национальными – великорусскими. Ведь именно Москва наиболее ярко выражала тогда национальные устремления великороссов, несла на своём челе ореол победы на Куликовом поле и заявляла о своём стремлении объединить все русские земли. Уже за несколько десятилетий до Куликовской битвы сложилась школа раннемосковской иконописи. В музее древнерусского искусства и культуры имени Андрея Рублёва хорошо представлено собрание икон этой школы. Явленные на иконах светло-золотые тона, вдохновенные, благодатные образы святых, чьи взгляды и жесты выражают молитву, наполнены состраданием и любовью, поражают нашего современника. Испытующе, но укрепляя в вере, в победе над врагом, смотрят глаза Христа с образа Спаса Нерукотворного (XIV век). Именно под этим образом, поднятым на знамёнах и хоругвях, бились против татар и фрягов русские воины на Куликовом поле.

После смерти Феофана его искусство не перестало оказывать своего влияния на московских живописцев. Но они сосредоточили свои усилия на разработке собственной, уже сложившейся иконописной традиции. Начало самостоятельного периода в творчестве Андрея Рублёва и его сподвижников связано с росписью древнего Успенского собора во Владимире в 1408 году. Разорённый и выжженный, за время татарских нахождений, храм нуждался в восстановлении. По указу великого князя Московского Василия Дмитриевича Рублёву и была поручена эта работа. До наших дней сохранились многие иконы алтарной преграды и фрески, частично уцелевшие на стенах храма. Особое место занимает здесь деисусный ряд иконостаса, в центре которого образ Спасителя, изображённого в золотых небесных одеждах и в «силах» – в обрамлении красного ромба (сил небесных), голубовато-зелёного овала (сил духовных) и красного четырёхугольника (сил земных). Христос изображён как Судия на Страшном суде, что в эпоху ордынского ига в русской земле понималось как грядущее торжество справедливости и возмездия. Но величавость облика Христа соединена с душевной мягкостью, что воплощало народные представления о справедливости. В его вдохновенном лике без труда можно видеть славянские этнические черты. В этом же деисусном ряду изображены и обращённые к Христу Иоанн Богослов – автор Апокалипсиса, и Андрей Первозванный – креститель праславян – написанный в характерном иафеттическом, арийском облике.

Греческие и южнославянские мастера того времени писали лики святых, пользуясь контрастом коричнево-зелёного тона (по-гречески – «санкирь») со светлым, сильно разбелённым слоем (охрение). Ярко выделялись на ликах пятна киновари (подрумянка). То есть лики святых, написанные у греческих и южнославянских мастеров густыми тонами, получались яркими, экспрессивными, восточными.

Будучи уже зрелым мастером, Рублёв утвердился в ином творческом жанре. В период между 1410–1420 годами он расписывал звенигородский Успенский собор на Городке, где вновь работал над деисусным рядом. Наделив Спасителя славянским обликом, русский мастер писал его лик исключительно светлыми тонами, предпочитая мягкую светотеневую манеру – плавь (то есть плавно). Здесь у Христа русая борода и усы, во взгляде светлых и ясных глаз благожелательность, участие, доброта. Но высшим достижением творчества Рублёва явилась его работа по росписи Троицкого собора Сергиевой обители в 1422 году. Выдающимся шедевром здесь стал образ престольной иконы – Пресвятой Троицы. В основе сюжета «Троицы» лежит библейский рассказ о явлении праведному Аврааму и его жене Сарре Божества в виде трёх ангелов. Но на иконе Рублёва нет ветхозаветных Авраама и Сарры. Главное внимание иконописца сосредоточено на трёх прекрасных ангелах-юношах, восседающих вокруг Престола с евхаристической чашей. Троица лаконично и естественно вписывается в круг, что символизирует Вселенское значение образа. Идея единства, мира, гармонии и Космоса воплощена здесь во всей полноте. Андрей Рублёв следовал этой главной идее, выраженной Сергием Радонежским, твёрдо веровавшим, что «взиранием на Святую Троицу побеждался страх перед ненавистной рознью мира сего». Этой идеей озарены были и устремления Святой Руси, заявлявшей о своих намерениях объединить все раздробленные и отторгнутые русские земли.

Творчество Рублёва на века пережило своего мастера и его сподвижников, став мерилом красоты и гармонии для многих поколений великорусских иконописцев. Даже спустя 125 лет Стоглавый собор 1551 года рекомендовал иконописцам строго следовать старым каноническим образцам «како греческие иконописцы писали и как писал Андрей Рублёв». Творческое наследие Рублёва и его школы представляет собой ценнейшее собрание памятников Средневековья не только отечественного, но и мирового значения, является величайшей святыней православия. Его творения монументальной живописи охраняются государством или находятся на хранении в Государственной Третьяковской галерее и в Государственном Русском музее.

Андрей Рублёв и его сподвижники расписывали и украшали собор образа Спасо-Нерукотворного и в своей родной обители – Спасо-Андрониковом монастыре сразу после его постройки в 1420-х годах. Фрески и иконы этого храма стали последней работой прославленных иконописцев. После смерти иконописцы были погребены в Андрониковом монастыре. Надгробная белокаменная плита, под которой был положен сам Андрей Рублёв, обретённая в XVIII веке, подтверждает этот факт. Свидетельства об этом хранят сообщения отечественных историков того времени. Надгробие Рублёва, описанное в XVIII веке, позволяет установить примерную дату смерти великого иконописца – 11 февраля (29 января по юлианскому календарю) 1430 года. Правда, время не сохранило шедевры иконописи школы Рублёва в Спасском соборе монастыря.

Есть все основания предполагать, что в Андрониковом монастыре в ту эпоху появились и другие изографы, принявшие участие в формировании московской школы иконографии, внесшие свой вклад в искусство Русского Возрождения. Возможно, кто-то из них возглавлял иконописную мастерскую. В монастыре процветала книжная миниатюра. В Историческом музее хранится иллюстрированное Евангелие Андрониковой обители. Специалисты приписывают его миниатюры кисти Андрея Рублёва. Ближайшей аналогией этого памятника является Евангелие Хитрово, сохраняемое в фондах Российской государственной библиотеки. Несомненно, что в Андрониковом монастыре процветали все три вида живописного искусства русского Средневековья: монументальное, станковое и миниатюра.

К 1504 году относится кирпичная трапезная палата, построенная по повелению и на средства великого князя – государя Московского и всея Руси Иоанна III. Сохраняется предание, что игумен Андроникова монастыря был его духовником. Таким образом, строительная деятельность Ивана III по украшению столицы Русского государства, коснулась и Андрониковой обители, что свидетельствует о её значении в ту эпоху.

В XVII веке к зданию трапезной палаты были сделаны пристройки частично на старых основаниях. В конце XVII века бояре Лопухины (родня царицы Евдокии – первой жены царя Петра I) воздвигли величественный Архангельский собор над усыпальницей почивших представителей своего рода. Строительство собора было закончено лишь в 30-е годы XVIII века. В южной части территории монастыря находится двухэтажное здание бывших митрополичьих палат XVII века.

В XVIII и XIX столетиях некрополь монастыря значительно расширился за счёт захоронений героев различных войн, которые вела Россия. Известно, что в ходе Семилетней войны этот некрополь стал местом упокоения многих десятков солдат и офицеров русской армии, умерших от ран в госпиталях Москвы. В ходе событий Отечественной войны 1812 года некрополь Спасо-Андроникова монастыря упокоил сотни солдат, офицеров и москвичей, погибших в сражениях с захватчиками или погибших в огне московского пожара. К началу XX века практически вся монастырская территория стала кладбищем.

* * *

В первые десятилетия после 1917 года идеологические установки советской власти имели тенденцию к нарастающему неприятию всей дореволюционной культуры и искусства России. Уже в 1920-е годы благодаря господству «школы Покровского» преподавание отечественной истории стало носить отвлеченный и схематический характер. Отрицались прогрессивная роль приобщения Руси к христианству, роль монастырского строительства, результаты героических побед против захватчиков в эпоху Средневековья. Отрицались, например, значение побед князя Александра Невского в битвах на Неве и на Чудском озере, позитивность воссоединения Украины с Россией, подвиг Минина и князя Пожарского в деле освобождения России от интервентов и пр. Вульгарно-социологический подход конца 1920–1930-х гг. в трактовке исторического процесса, развития общества и культуры отразился и на судьбе виднейших средневековых архитектурных ансамблей, памятников средневековой культуры и искусства России. Последние зачастую объявлялись не имеющими какой-либо исторической ценности и подвергались сносу, разборке, утилизации или распродаже за границу. Процесс этот усложнялся нарастающими темпами индустриального строительства, социалистической перепланировкой и перестройкой Москвы и других старинных русских городов.

Спасо-Андроников монастырь в полной мере разделил трагическую участь многих архитектурных ансамблей и памятников России в указанный период. В начале 1918 года немногочисленная монастырская братия была выселена или разогнана, монастырь упразднен и национализирован. Храмы обители были переданы приходским общинам мирян. Церковная утварь, иконы частично – отданы во вновь образованные или соседние приходы, частично – переданы Государственному историческому музею.

Советская Россия погрузилась во мрак Гражданской войны, разрухи и голода. Борьба с инакомыслием, с врагами советской власти была поставлена на первый план. Вот тогда в 1918 году в северо-западной части монастырского ансамбля разместился и концентрационный лагерь. В годы Гражданской войны многие выдающиеся монастырские ансамбли XV–XVII веков были утилизированы или стали использоваться в качестве концлагерей и тюрем, как средства подавления и ликвидации политической оппозиции советской власти. Концентрационный лагерь в Спасо-Андрониковом монастыре был отгорожен от приходских храмов деревянным забором, колючей проволокой, а со стороны города и Курской железной дороги линией каменной стены XVII–XVIII вв. Существуют вполне конкретные свидетельства, что именно у этой стены и происходили расстрелы заключённых, подлежащих ликвидации. Свидетельствами такого рода являются многочисленные человеческие останки (кости и черепа) поднятые из раскопов, шурфов и котлованов, производимых, как внутри, так и снаружи близ

северных стен монастыря. Отдельные черепа имеют отверстия, явно свидетельствующие о смертельных пулевых ранениях. К числу свидетельств принадлежат многочисленные винтовочные и револьверные пули начала XX века, (с явными следами проникновения в человеческое тело) найденные в этих раскопах.

Использование монастырских ансамблей и памятников оборонного зодчества в виде укреплений и ограждений тюремно-лагерных заведений стало самой кощунственной формой использования. Монастырский ансамбль Спасо-Андроникова, расположенный недалеко от Садового кольца столицы стал одним из двух концлагерей такого типа. Такую же печальную участь разделил и ансамбль Ново-Спасского монастыря.

Лагерь просуществовал в стенах бывшей обители Спасо-Андроникова до 1923 года. За это время его администрация грубо обращалась с временно переданными лагерю в эксплуатацию зданиями братских келий начала XVIII века и трапезной XV века. При большой скученности людей и частом разведении огня, особенно в холодное время, в те годы пострадали многие бывшие монастыри России. Так в начале 1919 года территорию бывшего Спасо-Андроникова монастыря посетил большой пожар – горели трапезная и несколько административных зданий ансамбля[1].

После ликвидации концлагеря в 1923 году все памятники бывшего монастыря были переданы в основном под заселение рабочим завода «Гужона» и служащим военно-строительного управления московского военного округа. А к 1930 году на территории бывшего монастыря были закрыты и приходские храмы. Все это стало началом разрушительного процесса, приведшего к началу 1930-х годов уникальный монастырский комплекс Спасо-Андроникова монастыря в полуруинное состояние. Кладбище на его территории было уничтожено уже в 1920-е годы. Даже древние захоронения с редкими надгробиями XVI–XVII веков были разбиты, вывезены или закопаны в землю. От первоначальной ограды монастыря (стен и башен постройки второй половины XVII века) остались лишь часть восточной стены и башня XVII–XVIII веков.

Из Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ) в Спасо-Андроников для обследования в феврале 1933 года была направлена специальная комиссия. Известный советский историк, профессор А.И. Некрасов, осматривал ансамбль совместно с сотрудниками ЦГРМ на предмет сохранения или сноса его памятников. В заключении он констатировал:

«…все стены, башни, жилые дома и, частью храмы монастыря находятся в ужасающем состоянии и, в общем, *вряд ли могут быть поддержаны и реставрированы* (Курсив мой. – *Д.А.*), т. к. требуют громадных расходов, но и после них вряд ли могут быть употреблены в дело.

Поэтому полагаю, что: 1) стены и башни подлежат полному сносу, не представляя к тому же никакой исторической или художественной ценности… 3) комплекс трапезного храма из разновременных построек, большей частью XVII в., представляет «нарышкинский» стиль известный по ряду первоклассных памятников отличной сохранности, а потому означенный комплекс в Андроньевом монастыре сохранению не подлежит. Имеющаяся в комплексе часть начала XVI века представляет одно из ранних подражаний Грановитой палате, но ввиду наличия последней и других подражаний (см. Симонов монастырь и др.), может также быть уничтожена, т. к. лишенная связи с каким-либо ансамблем, самостоятельно существовать не может, не представляя практического интереса, и будучи искажена снаружи. Однако перед уничтожением этой части XVI в. следует ее тщательно обмерить и фиксировать, а равно вынуть все фигурные изразцы внешнего пояса для передачи в музеи. 4) От всего монастыря следует, безусловно, сохранить собор 1420-х годов…»[2].

---

[1] ЦХД после 1917 года. Ф. Р-1. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 94.

[2] ЦХД после 1917 года. Ф. Р-1. Оп. 1. Ед. хр. 120. Л. 45–48.

Таким образом, древнейший средневековый архитектурный комплекс ближайшего Подмосковья XV–XVII веков почти полностью обрекали на снос или разборку. Право на существование предоставлялось лишь белокаменному собору первой четверти XV века. В древнейшем из сохранившихся храмов столицы России предполагали поместить архив ОГПУ. Но, видимо, благодаря стараниям сотрудников Центральных государственных реставрационных мастерских, существовавших последний год, из-за межведомственных проволочек и столкновений полуразрушенные памятники бывшего монастыря пребывали в небытии и разрухе еще около 15 лет. Но за эти годы проблема восстановления утраченного наследия настойчиво заявила о себе. Это особенно стало заметно в годы Великой Отечественной войны и после неё. Война пробудила массовое чувство героизма и самопожертвования, вызвала к жизни глубокий патриотизм великорусского народа. В ходе войны русский народ вынес основную тяжесть борьбы с германским нацизмом в Европе, завоевал право в глазах всех народов мира сохранять и развивать свою традиционную культуру. Накануне и в ходе войны стали меняться и идеологические установки советского руководства, сделавшего ставку на прославление героического и культурного прошлого России. Сразу после войны советское правительство распорядилось восстановить разрушенные войной средневековые памятники Смоленского кремля, Новгорода, Пскова, Иван-города, Орешка (Шлиссельбурга), Ново-Иерусалимского монастыря и других средневековых ансамблей и центров культуры. Здесь же началась организация музеев-заповедников и историко-краеведческих музеев.

Уже в 1943–1945 годах советским руководством были сделаны первые еще робкие шаги навстречу сложному (в рамках политической и идеологической системы социализма), противоречивому процессу – восстановлению тысячелетнего духовного наследия великорусского народа и культуры Русской православной церкви. Начало этому процессу было положено 21 апреля 1946 года с момента передачи части памятников ансамбля Троице-Сергиевой лавры в ведение Московской патриархии, создания духовной академии, восстановления там православного монастыря. О начале процесса возрождения традиционных ценностей возвестил благовест лаврских колоколов, восстановленной Троице-Сергиевой лавры, её семинарии и академии.

Прошло полтора года после Великой Отечественной войны, когда страна еще в полной мере испытывала трудности восстановительного периода. Однако процесс возрождения получил новый виток, т. к. встала проблема восстановления разрушений полученных не только в годы войны, но и утрат, связанных с периодом негативной оценки историко-культурного и православного наследия России в первые десятилетия советской власти.

Определённым прологом к рождению музея в бывшем Спасо-Андрониковом монастыре явился и доклад известного охранителя отечественного наследия П.Д. Барановского на объединённом заседании сектора архитектуры и сектора живописи Института истории искусства АН СССР под названием «О времени и месте погребения Андрея Рублёва» 11 февраля 1947 года. Основная концепция доклада была направлена на спасение архитектурного комплекса Спасо-Андроникова монастыря от окончательного уничтожения и организации там музея, посвящённого творчеству великого русского живописца. В своём докладе П.Д. Барановский сообщил о существовании забытого и почти неизвестного документа. Это был, попавший к нему список (копия) надписи с надгробия Андрея Рублёва в Спасо-Андрониковом монастыре. Учёный доложил собранию, что список этот был сделан в своё время знаменитым учёным XVIII века Гергардом Миллером, с располагавшейся у северной стены собора Спаса Нерукотворного, разрушающейся надгробной плиты.

В своём докладе П.Д. Барановский преподнёс остроумную и убедительную расшифровку списка, с помощью которой он установил время смерти Андрея Рублёва – 11 февраля (29 января по юлианскому календарю) 1430 года. Текст этой надписи гласил:

«Лета 6938 (1430 по Р.Х. – *Д.А.*), генваря в 29 день на память преподобного отца нашего мученика Игнатия Богоносца перенесения мощей, с Субботы на Неделю (Воскреснье. – *Д.А.*) в …часу нощи преставися инок Спасо-Андроньева монастыря Андрей, преизрядно писаша иконы святых, приснопамятный муж, прозванный Рублев, скончася в схиме, добродетелями зело украшен, его бытия в сем мире 58 (?) лет, и погребен бысть на сем месте».

Это сообщение получило сильный резонанс. В заключительном слове известный художник и искусствовед А.В. Щусев отметил: «Мы заслушали чрезвычайно важное сообщение Петра Дмитриевича. Работа проделана по личному энтузиазму и почти даже на личные средства. Но суть не в этом, а в том, как проделана эта работа, как проведено исследование и датировка. Это чрезвычайно любопытно и вместе с тем просто удивительно, как мог Пётр Дмитриевич… добиться датировки по полуистёртой надписи, которая пережила целый ряд столетий… Мы должны проявить известный напор, чтобы поддержать Петра Дмитриевича и дать ему возможность довести эту работу до конца».

В сентябре 1947 года Москва праздновала свое 800-летие. За неимением источников сложно говорить о том, какие тонкие политические мотивы были поставлены во главу угла советскими лидерами самого высокого уровня в решении вопроса по «открытию» очередного памятника. Совершенно ясно то, что эти мотивы являлись не случайным проявлением «прихоти вождя», а одним из фрагментов государственного курса в сфере отечественной культуры.

Так 10 декабря 1947 года было подписано и обнародовано Постановление совета министров СССР за № 3974 «О мероприятиях по сохранению памятников архитектуры Андроникова монастыря в г. Москве». Главными задачами Постановления являлись:

1. проведение реставрационных работ по восстановлению архитектурного ансамбля Андроникова монастыря как «древнейшего из сохранившихся памятников Москвы»;

2. организация музея имени «русского художника Андрея Рублёва» в белокаменном соборе монастыря;

3. организация в монастырской трапезной мастерских по реставрации памятников архитектуры.

Но к начальному моменту организации музея все здания на территории будущего музея-заповедника, были заняты жильцами (408 человек занимали 1440 кв. м). Здания необходимо было освободить. Выселению подлежали и все учреждения, не имеющие отношения к заповеднику. Любопытный документ из музейного архива свидетельствует о той ситуации:

«В зданиях на территории заповедника им. Андрея Рублёва помещаются:

1. Белокаменный собор.

Музей имени Андрея Рублёва (по Постановлению Совета Министров СССР от 10 декабря 1947 года). Кроме того, три комнаты (Собор был разделён перегородками на небольшие помещения. – *Д.А.*) незаконно заняты отделами Управления по делам архитектуры РСФСР, выселение которых необходимо.

Часть подвального помещения занята складом Комитета по делам строительства Совета Министров СССР.

2. Трапезная палата.

2-й этаж занимает Центральная проектно-реставрационная мастерская Академии архитектуры СССР (согласно Постановлению Совета Министров СССР от 10 декабря 1947 г.).

1-й этаж незаконно занят столярной мастерской экспериментально-строительной площадки Академии архитектуры и складом типографии Государственного комитета по делам строительства СССР, которые необходимо выселить.

3. Архангельская церковь.

Верхние этажи без указания Правительства заняты Центральной проектно-реставрационной мастерской Академии архитектуры СССР. Нижний этаж незаконно занят складами

Комитета по делам строительства Совета Министров СССР и складом экспериментально-строительной площадки Академии архитектуры СССР, которые необходимо выселить.

4. Бывшие Митрополичьи палаты.

5. Бывшие монастырские кельи (2 корпуса).

6. Бывшая школа XVIII века.

7. Башни (две).

Все перечисленные здания заняты жильцами и должны быть освобождены. Бывшая монастырская усыпальница занята конторой экспериментально-строительной площадки Академии архитектуры СССР.

Недостроенные здания вдоль северной стены заповедника достроены и приспособлены под гаражи экспериментально-строительной площадки Академии архитектуры в 1951 г. без специального на то разрешения и должны быть освобождены».

Так на основе проекта представлялось восстановление наполовину утраченного архитектурного ансамбля бывшего Спасо-Андроникова монастыря и создание в его стенах музея древнерусского искусства и культуры. Однако между проектом и реалиями пока ещё пролегала пропасть. Организаторам, специалистам и первым сотрудникам музея предстояло ещё приложить немалые, а порой неимоверные усилия, чтобы воплотить этот проект в жизнь.

Для решения этих задач Постановлением предписывалось освободить здание Спасского собора до 1 июля 1948 года. Выселить из его стен арендаторов. Первым подлежал выселению архив главного управления военных трибуналов Вооруженных сил СССР. Затем предполагали освободить помещение, занимаемое гаражом Осоавиахима. В том же 1948 году предполагалось произвести ограждение территории монастырского ансамбля и запретить дальнейшее заселение его жилых помещений.

Таким образом, в Постановлении просматривались *две конкретные цели – восстановление «древнейшего из числа сохранившихся» ансамблей Москвы и создание музея, связанного с именем и художественным наследием виднейшего русского иконописца Средневековья Андрея Рублёва*. Проведение этих мероприятий было возложено на комитет по делам архитектуры и строительства при Совете Министров СССР. Постановление подписали: *председатель Совета Министров СССР И. Сталин и управляющий делами Совета Министров СССР Я. Чадаев*[3].

* * *

В основу настоящей работы положен немалый комплекс исторических источников, включающих в себя массу архивных материалов. К разряду источников законодательного порядка относятся: Постановления Совета Министров СССР и Совета Министров РСФСР, опубликованные в материалах «Собрания Постановлений и Распоряжений Совета Министров СССР» или в материалах «Постановлений Совета Министров РСФСР», издаваемых в советский период. Кроме того, авторы использовали издание Министерства культуры Российской Федерации: «Культура в нормативных актах советской власти 1938–1960 гг.». По ряду вполне объяснимых причин идеологического характера постановление Совмина СССР за № 3974 «О мероприятиях по сохранению памятников архитектуры Андроникова монастыря в г. Москве» от 10 декабря 1947 года не вошло в материалы «Собрания Постановлений Совета Министров СССР». Это основной документ государственного значения, определивший создание музея. Однако данное Постановление за подписью председателя Совмина Иосифа Сталина и управляющего делами Совмина Якова Чадаева сохранилось в архиве МиАР. К тому же и законодательная, и правовая основы деятельности музея регулировались рядом постановлений, издан-

[3] ЦХД после 1917 года. Ф. Р-2971. Оп. 1. Д. 100. Л. 63.

ных после 1947 года. Таковым является Постановление Совета Министров РСФСР от 22 мая 1947 года «Об охране памятников архитектуры»[4]

[4] Культура в нормативных актах советской власти 1938–1960 гг. М.: изд. Министерства культуры Российской Федерации. 1992. С. 146–167.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.